

13

Ульяна Соболева

ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ

Боль в его глазах

18+

Черные Вороны

Ульяна Соболева

**Черные вороны 13.
Боль в его глазах**

«Ульяна Соболева»

2023

Соболева У.

Черные вороны 13. Боль в его глазах / У. Соболева — «Ульяна Соболева», 2023 — (Черные Вороны)

Все же я его не знала. Зверь возродился, и в этом безжалостном, кровожадном чудовище я с трудом угадывала того, кто так безумно любил меня и наших детей когда-то. Или намеренно, или случайно, но Максим поставил меня перед страшным выбором... И я выбрала. А у каждого выбора есть последствия. У моего они станут необратимыми для всех нас. Мне впервые в жизни так страшно... Я боюсь этого Зверя. Боюсь того, кем он стал. Я лишь могу надеяться, что умру раньше, чем возненавижу его... Умру, все еще любя, а не проклиная. РИМЕЙК ЛЗГ. История Даши и Максима. Альтернативная современность. Автор чудит.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ульяна Соболева

Черные вороны 13. Боль в его глазах

Глава 1

Я очень плохо помню, что происходило последние несколько часов после того, как позвонил Радич. Какими-то урывками все. Как в кошмарных снах, когда из-за панического страха не помнишь ничего, потому что мозг блокирует каждое воспоминание, чтобы пощадить разум. Все оборвалось на том моменте, когда я ответила на звонок, я даже не почувствовала, что в этот момент была на волосок от срыва в пекло... Воспоминая, анализируя все, что произошло в эти дни, я буду думать о том, как Максим схватил меня за руку, теряя все самообладание... и лишь потом я пойму почему. Есть вещи, которые не исправить, есть слова, которые уже не вернуть обратно. Иногда не стоит их произносить, даже если тебя разрывает от боли... потому что может быть, тебе их и простят, но никогда не забудут и, возможно, однажды тебя придавит ими, как каменной могильной плитой, и на ней сверху будут выбиты именно эти слова... как цитата прощания с мертвецом. Но я не задумывалась об этом тогда. Не задумывалась, что сбросила нас обоих с обрыва и что механизм разрушения уже запущен, даже если мне сейчас кажется, что это не так.

Я помню, как Максим рывком прижал меня к себе. Помню как мы оказались у места покушения, где-то на окружной дороге... помню машину Фаины, изрешеченную пулями, и фургоны наших людей и полиции, оцепившие территорию, чтобы папарацци не могли сунуться, пока они не закончат свою работу.

Как сквозь туман видела Максима, расталкивающего полицейских, срывающего ленту, и себя, словно со стороны, с немим воплем бросившуюся к Марику, который тут же кинулся нам навстречу, вырываясь из объятий Радича. Подхватила его на руки, лихорадочно целуя лицо, глядя волосы, не в силах унять дикое сердцебиение и невероятную дрожь во всем теле. Живой мой мальчик. Мне самой кажется, что я за эти мгновения успела умереть тысячу раз и ни разу не воскреснуть. Страх за жизнь детей затмевает все: любую боль, любое отчаяние и выходит на первое место, делая все остальное ничтожным и таким незначительным. Но где-то внутри сработало это понимание, что и Максим в ту секунду, как я произнесла пересохшими губами о покушении на детей, забыл, что хотел разорвать меня на куски.

Увидела, как мой муж бросился к Фаине, стоящей на коленях возле машины с другой стороны, и новый круг хаоса, сразу в дыру черную, в воронку, с надсадным стоном, глядя застывшим взглядом на белоснежный ботинок Таи с каплями крови на нем. Грудную клетку разрывает от немого вопля. Максим рядом с нашей девочкой на земле, ее голова у него на коленях, и его трясет так же, как и меня. Ее голос... такой тихий, такой хриплый, полусует сердце, как лезвием, настолько сильно, что я корчусь от боли и страха. Самого примитивного ужаса, который только может испытать мать.

– Папа... папочка... страшно. Мне страшно.

И его сильнее тряссти начинает, пальцами окровавленными ее волосы с лица убирает.

– Все хорошо будет, моя принцесса. Не надо бояться. Это царапина. Мы сейчас тебя в клинику отвезем. Посмотри на меня. Ты мне веришь?

Она глаза прикрывает. А я вижу пятно у нее на боку

– Мамаааа... – взгляд на меня перевела, а я в каком-то оцепенении только на раны ее смотрю и дышать не могу. Ни одного вдоха. Легкие не работают, как и сердце. На Максима

глаза подняла, а у него от напряжения пот по вискам катится и вена на горле пульсируют. Еще секунда, и он заорет. Руку ему на плечо инстинктивно, сильно сжимая пальцы и наклоняясь над Тайей еще ниже, вглядываясь в искаженные болью черты лица.

– Она Марика собой закрыла...а я...я за рулем. Не успела. Но мы успеем. В клинике уже ждут.

Голос Фаины сквозь рваную вату. Срывается на всхлипы. Я ее даже не слышала, я смотрела в глаза своей дочери и видела, как их затянуло пленкой страдания и надвигающегося беспомощности.

«Девочка моя, маленькая моя. Мы сейчас...сейчас»...

– Сейчас, маленькая, сейчас, моя хорошая, – слезы в глазах пекут, и я глотаю их. Потому что невыносимо смотреть на ее посеревшее личико и полуприкрытые глаза.

– Дыши...на меня смотри. Мне в глаза. Давай, милая. Слышишь. На меня смотри, Тая. Мы уже едем. Летим. Вертолет здесь.

И она отрицательно головой еле-еле, а я наклонилась еще ниже, глаза в глаза.

– Операция прошла успешно. Пулю извлекли. Девочка будет жить. Состояние стабильное. Пока что к ней нельзя.

Умничка моя. Вот так. А саму шатать начинает.

– Даша...ты как?

– Хорошо, со мной все хорошо, – вытирая тыльной стороной ладони кровь моей дочери и чувствуя слабость во всем теле. немеют руки и ноги. Голова разрывается изнутри с такой силой, что я смотреть не могу.

Фаина помогает присесть на топчан, придерживая за плечи

Я все еще слышу сквозь шум в висках грохот вращающихся лопастей вертолета, который забрал нас всех с дороги. Попыталась выпрямиться, но ноги подогнулись, и я схватилась за голову, от резкого приступа дикой боли потемнело перед глазами. Тут же руки отняла – ладони в крови. Она из носа течет. Все завертелось, и я начала падать, оседать на пол.

Тут же почувствовала, как подхватили на руки, и я знала кто. Я бы его объятия среди тысячи узнала, даже если бы чувствовать разучилась...только сил глаза открыть не осталось. К себе рывком прижал, пальцами в волосы зарываясь, и я вдруг поняла, что мне стало спокойно. Вот так на руках у него. Такое уже привычное спокойствие, и я не хотела ни о чем думать, впитывая каждой порой это ощущение. Его дьявольскую энергию, его силу, которую чувствовала на ментальном уровне, как и раньше. С ним никогда не страшно...даже умирать. А без него...без него невыносимо страшно жить.

В этот раз меня долго не покидала эта тьма и холод. Они сковали все тело, как ледяным цементом, сдавливали обручами по спирали от ног к голове.

Иногда становилось легче, и я дышала полной грудью. А иногда казалось, я не могу даже моргнуть, такая тяжесть внутри. Только одно оставалось неизменным...я чувствовала присутствие Максима рядом. Не слышала, не видела. Я его чувствовала. Через холод и темноту. Пока не начала именно ощущать горячие пальцы на своих запястьях, а затем и различать их голоса совсем рядом.

– Ей лучше. Это из-за стресса. Очень испугалась.

– Что это значит? Какого хрена ей так плохо?

– Надо сделать обследование. Но я не думаю, что это что-то серьезное. Просто стресс и шок. Очень испугалась за дочь.

Злое тихое рычание, а у меня легкая дрожь по всему телу. Он говорит, и онемение начинает отступать, словно тепло под кожу проникает. Очень медленно, вкрадчиво. Паутиной огня по плотному кокону льда. Это беспокойство, разрывающее мою упрямую уверенность и тающее под ним недоверие.

Пальцы Максима сжали мои, и паутина стала горячее, просачивается внутрь, согревает. Как и всегда, когда он рядом. Словно держит и тянет к себе, не давая погружаться во тьму. И я не знаю – это я так реагирую на него, или это он не дает мне уйти в себя. И хочется, чтоб не отпускал, чтоб не разжимал пальцы. У меня такое чувство, что я истекла кровью, пока пыталась его от себя оторвать, и только сейчас мои раны начинают затягиваться... когда он рядом.

– А Тая? Есть последствия?

– Нет. Все хорошо, я думаю. Я ее еще пару дней подержу, и можешь забирать домой. Она полностью в себя пришла. Пуля ничего не задела, застряла в мякоти. Очень повезло.

В этот момент я позволила себе провалиться в сон. Я ждала именно этого – узнать, что все получилось, и наша принцесса жива.

Потом приехал Яша. Он вошел в мою комнату посреди ночи... я затаилась, ожидая, что он скажет отцу, но разговор не состоялся. Или состоялся, но так, что я его даже не слышала. Максим молча вышел, а сын сел у моей постели и прижался губами к моему виску. А мне так хотелось, чтобы они здесь были оба... но сейчас это невозможно. Яша не готов принять Максима. Пока не готов. А я слишком слаба, чтобы попытаться это исправить в данную минуту.

– Я хотел убедиться, что у тебя все хорошо, мама, – выдержал паузу, – и, да, тебе хорошо. Когда он рядом. Я это чувствую. Жаль только, что ненадолго. И жаль, что ты этого не понимаешь.

В нем говорила боль и обида за меня, за всех нас. После того, как Максима не было, Яша очень сильно от него отдалился, и сейчас уже не имело значение, что Макс этого не помнил. Им придется еще долго работать над своими отношениями. Я снова погрузилась в сон в этот раз рядом с сыном, пока он перебирал мои волосы и своей лаской и заботой забирал себе мою боль, слабость, тревогу. Он всегда это делал, если чувствовал хотя бы малейшую перемену в моем настроении.

Полностью в себя я пришла уже на утро. И все эти часы я ЕГО чувствовала рядом, слышала и даже начала видеть, когда удавалось приоткрыть глаза. Сидит у стены на полу, запрокинув голову, а я хочу позвать и не могу. Пока сил не хватает. Но от его присутствия тело согревается все больше и больше, и я уже могу шевелить кончиками пальцев, боль в голове отходит на второй план. Это были те самые дни, когда оттаивало не только мое тело, но и душа. Очень медленно, мучительно. Потому что он не казался мне больше похожим на себя... это просто он и все. Без «до» и «после». Без сравнений. Наверное, впервые я не сравнивала, а принимала его присутствие рядом.

Максим почувствовал мой взгляд, тут же рывком встал и ко мне, вглядываясь в мое лицо и я закричать хочу от того, что вижу, как он смертельно устал за эти часы, как осунулся, под глазами черные круги, и взгляд затянут поволокой. Не ел. Он не ел все это время. Из-за нас с Таяй?

Ладонь мою к щеке прижал и глаза закрыл. Чувствую осторожное прикосновение. Очень осторожное, кончиками пальцев.

– Малыш, как ты? С ума сходил...

А у меня сил нет ответить, только в глаза смотреть и чувствовать, как свои наполняются слезами, дернуть рукой в попытке сжать его пальцы, а он тут же ее обратно положил и одеялом прикрыл.

– Не трогаю... не волнуйся.

Дверь осторожно приоткрылась, и я Таю увидела. Она тут же к отцу в объятия бросилась, и он сильно к себе ее прижал, целуя макушку. Эти порывы сыграть невозможно. Они инстинктивны. И в изнеможении беззвучно застонать, потому что сердце забилося чаще. Видеть его любовь к детям. Безграничную и абсолютную. Вне времени, памяти и осознания самого себя. Наша с ним бесконечность, воплотившаяся в едином целом трижды.

– Зачем встала? Фаина разрешила? – а сам по волосам ее гладит, и я кожей чувствую, как наслаждается прикосновениями к ее волосам, его накрывает любовью, и меня вместе с ним... Его к ней, а меня к нему.

– Нет. Я сбежала к тебе с мамой. Как она?

Ками подошла к моей кровати и села на краешек. Глядя мне в глаза и ища мою руку под одеялом.

– Да, ей лучше. Я вижу, что лучше. Чувствую. Когда мы домой нас заберем?

– Через пару дней. Наверное, она поедет к Фаине, не к нам домой. – спокойно и уверенно... а у меня этой уверенности нет уже. Она осталась где-то в позавчера.

Тая тут же ко мне обернулась... а Максим в этот момент вышел в коридор. Скорей всего ушел курить.

– Нет. Мам, нет. Не бросай его сейчас. Поехали домой. Я прошу тебя. Ты нужна ему. Ты так ему нужна. Я чувствую, ты даже не представляешь, как я это чувствую.

Я бы хотела чувствовать, как и она. Ее уверенность в нем абсолютную. А у меня она зыбкая и хрупкая как хрусталь. Очень тонкий. Один удар и рассыплется в прах. Но ведь появилась, впервые зародилась из пепла!

Максим ушел следующим утром, когда нам обоим стало лучше. Я смогла приподняться на кровати. Но он сутки так и просидел в моей комнате, не двигаясь и не сводя с меня тяжелого задумчивого взгляда. Я смотрела на него сквозь ресницы и засыпала. До боли захотелось склонить голову к нему на грудь и засыпать в его объятиях. Нет, не как когда-то... а узнать, что это означает именно сейчас.

Он больше не подходил к моей кровати. Держал расстояние. А мне хотелось позвать, и я не могла. Словно сдерживало что-то. Словно мешало мне. Проклятая неуверенность. Какая-то невидимая стена из того самого льда. Уже прозрачная, но все еще не рухнувшая. Сама не поняла, что жду, когда вернется в комнату, но Максим больше не вернулся. Я слышала его голос в коридоре, когда он говорил с Фаиной. Последующие дни я и Тая быстро шли на поправку. Уже через день меня отпустило полностью. Иногда слегка немели кончики пальцев, но в целом я полностью вернулась в свое прежнее состояние. Фаина сказала, что у меня было сильное истощение, упал гемоглобин.

Когда я оделась и была готова покинуть клинику, она снова позвала меня к себе. Промотрела все анализы, не торопясь озвучить их мне, а, скорее, с удовлетворением на лице. Потом все же подняла на меня взгляд и, кажется, посмотрела прямо в душу.

– Я, конечно, готова тебя принимать у себя сколько угодно, но... но я считаю, что ты должна ехать домой.

Без нажима, но с твердой уверенностью в своей правоте.

– Я тоже так считаю. Детям будет лучше рядом с Максимом и мне спокойней. Он сможет их защитить, и Стефан был прав – сейчас не лучшее время для разлада в семье. Черт бы его побрал, но он всегда прав! Надо было прислушаться к нему.

– Значит, домой?

– Да. Поедем домой. Марик уже извел меня этим вопросом, – усмехнулась, видя, что она хочет услышать другое. Но я пока не могла произнести этого вслух.

– Только поэтому домой?

– Да. Только поэтому.

Максим ждал нас внизу, когда машина свернула к нашему особняку, я внутренне напряглась, потому что он даже не спросил, куда меня отвезти. Опять принимает все решения за меня... или подумал, что я приняла его угрозу. Но, возможно, это Фаина ему успела сказать. И опять усмехнулась про себя – искать ему оправдания стало привычкой по жизни. Только из головы не выходило, как сидел у меня сутками, как пальцы мои сжимал и целовал каждый из них. Может, мне это приснилось? Может, я в беспамятстве себе это представляла? И спросить

не у кого. Помню только тот день, когда на подушках привстал, он увидел и тут же резко вскочил с пола и вышел из комнаты привести Фаину. Больше не приходил.

Все изменилось. Сильно изменилось. Настолько что, наверное, дома у Фаины я ощущала его присутствие больше, чем в нашем собственном. Максим не пересекался со мной нигде и никак. Его просто не было. Он приезжал и тут же уезжал. Конечно, я подозревала, что сейчас все силы брошены на розыск наемников, которые совершили покушение на наших детей. Уже выяснилось, что это были спецслужбы. Стефан выслал мне все отчеты на электронную почту, и я изучила мнение наших людей насчет нападения. Пока что расследование топталось на месте. Но я не сомневалась, что мой муж найдет их всех. Найдет, и они пожелают гореть в пекле, чем узнать, что такое гнев Максима Воронова за то, что посмели тронуть его семью.

Еще через день я уже сама приехала в офис. Максима не было на месте, а я почувствовала облегчение, что вырвалась из четырёх стен, в которых словно заперла сама себя.

А здесь... здесь почему-то почувствовала легкое разочарование – ведь я приехала чтоб увидеть его. И бессмысленно себе лгать, что это ради фонда – в фонде как раз все хорошо, и лишь недавно прошла презентация нового проекта, а следующий, по благотворительным концертам рок-музыкантов, мы собирались осуществить лишь через несколько месяцев.

Я пробыла там до самого вечера, а когда вернулась домой, оказалось, что Максим уже давно там. Играет с Мариком. Яша снова уехал. Как только увидел, что я полностью восстановилась и Тая совершенно здорова. Удерживать его сейчас было равносильно тому, чтобы удерживать стихию. Нам всем нужно время, и, оказывается, моему старшему сыну оно так же необходимо, как и мне.

Именно в тот день я поняла, что Максим меня избегает. Точнее, нет, это слово вряд ли можно применить к нему. Он просто держит дистанцию. Ту самую. Которую я просила. А еще молчание. Оно повисло между нами на недели. Ни слова. Ни одного. Иногда хочется окликнуть, когда вижу с веранды с Таей верхом, или позвать обоих в дом и что-то коком в горле стоит – не могу. Кажется, если увижу в его глазах холод, с ума сойду. Так легче. Вот с этой дистанцией... наверное.

Ни черта не легче! Как два чужих человека под одной крышей и напряжение в воздухе раскаляется с каждым днем все сильнее. Приемы, приезды гостей. Вижу, как он выходит к ним, улыбается партнерам, общается с отцом, с Изгоем, с Глебом, а меня нет. Я отсутствую для него. Только иногда ловлю на себе взгляды тяжелые. Настолько тяжелые, что дыхание перехватывает. Но прочесть не могу. А мне до боли нужно их читать опять. Все меняется внутри меня с каждым днем. Оттаивает. Когда наблюдаю за ним с детьми, или как в кабинете сидит, щелкая длинными пальцами по клавиатуре, и виски потягивает... а в пепельнице сигара дымится. Хочется подойти сзади и уткнуться лицом ему в голову, вдыхая его запах. Провести ладонями по плечам и за ворот рубашки, спуститься к груди... так, чтоб голову поднял и к себе резко наклонил, впиваясь в губы, а потом усаживая на колени. Стало трудно дышать и обожгло руки жаждой прикосновения. Обернулся, а я вздрогнула, когда взглядом с ним встретилась. В глазах немой вопрос, а потом то же разочарование, что сжирало меня все эти месяцы. Тишина. Только часы тикают на стене. Долго в глаза смотрел, так долго, что у меня по телу мурашки поползли, а он виски хлебнул и отвернулся к монитору, не сказав ни слова. И я ушла к себе. Так странно... я почти не вспоминала то, что было давно... я вспоминала наши с ним последние дни. Вспоминала, как вот так заходила к нему в кабинет, и мы что-то вместе смотрели или он работал, а я у него на коленях ерзала, мешая отвечать на письма. Что я чувствовала тогда? Сравнивала ли? Нет. Я наслаждалась его близостью. Сравнения приходили лишь с сомнениями... когда я спрашивала у себя, надолго ли это? Спрашивала, как скоро я ему надоем... спрашивала любит ли он меня... и всегда получала отрицательный ответ.

После того, как из больницы вернулась много спала. Сил набиралась. А сегодня, едва глаза закрыла, почувствовала, как по ногам ладони скользят... и тело дернулось в предвкуше-

нии, запылало в ответ. Сильные пальцы сжимают колени, разводя в стороны, и мое дыхание учащается, срывается, и все тело выгибается навстречу ласке. Я даже губы горячие чувствую на внутренней стороне бедер и дыхание его раскаленное. Раскрываюсь навстречу, начиная пульсировать от сумасшедшей жажды. Во сне я больше не хочу его отталкивать. Во сне я зверски изголодалась по нему и тяну к себе за ворот рубашки, ища его губы, чувствуя, как навис надо мной, как пальцы раздвигают плоть и резко входят внутрь, заставляя выдохнуть с гортанным стоном и тут же вскочить на постели, тяжело дыша. Я в комнате одна. Только шторка у открытого окна слегка от ветра колышется. Прижала руки к груди...одеяло на пол сброшено, и сорочка прозрачная с плеч сползла. Ночная прохлада скользит по груди...касается возбужденных сосков. Голод по нему...он начинает пробуждаться. Самый страшный и безжалостный монстр, который лишь окреп в последние месяцы, вместе с зависимостью от его прикосновений. Я ведь думала, что справлюсь...справлюсь, если трогать не будет, если в игры играть перестанет и соблазнять так, как умеет только он. Наивная. А точнее, самоуверенная дура. Нееет. Это не он меня соблазнял. Это я его хотела до безумия, и чтобы оправдать эту страсть, считала, что Максим ведет грязную игру.

Глава 2

Утром проснулась от того, что его машина от дома отъехала. Проводила взглядом автомобиль и снова нырнула в постель. Чем больше он держал эту дистанцию, тем горячее становилось внутри меня. Я не знаю, насколько можно втянуться в это безумие, когда чем дальше он, тем сильнее меня влечет к нему. Чем меньше он похож на самого себя, тем страшнее эта тяга.

Меняется внешне, а меня каждая перемена сводит с ума. Волосы остриг и щетину сбрил. Младше кажется. Словно намеренно свой прежний образ стирает, отрицая любую возможность вернуть того Максима. И я, вместе с яростью внутри, ощущаю, что уже и не помню, каким был раньше. Меня до животного безумия доводит такой, как сейчас, с этими короткими вьющимися волосами и гладкими скулами, к которым в исступлении хочется прижаться губами. Он даже не понимает, насколько похож на того Максима, которого я встретила много лет назад впервые, в рваных джинсах и свитере на голое тело, с шевелюрой непослушной и дьявольским взглядом, и это доводит до изнеможения. Он больше не раздваивается у меня в глазах, а затмевает собой прошлое, вытесняет совершенно до какой-то незначительности.

И взгляды...они меня доводили до сумасшествия. Потому что я их ловила на себе везде. Если он рядом, то я непременно чувствовала эту пламенную паутину на своем теле, прожигающую насквозь. Оборачивалась, но Максим невозмутимо говорил с партнерами, либо с гостями. И мне начало казаться, что я просто схожу с ума от голода по нему. Что это предательское тело изголодалось и толкает меня в самую бездну. Вынуждает с ума сходить. На последнем приеме нам пришлось сидеть за одним столом. Плечо к плечу. Как же я завидовала его спокойствию, голосу уверенному, сильному. А меня рядом с ним то в жар, то в холод швыряет. Особенно когда смотрю на его пальцы и вспоминаю свои проклятые сны, от которых спать спокойно не могу. Сны, в которых он меня этими руками с ума сводит и ни разу не до конца...Только вскакиваю на постели, рвано дыша и чувствуя взмокшие простыни под собой и болезненное покалывание во всем теле. Мысленно проклиная себя за наваждение. Когда случайно тыльной стороной ладони коснулась, током прострелило так сильно, что вздрогнула, и он наконец-то ко мне повернулся. Взгляд сумасшедший...его коронный, невыносимый взгляд, которым он не просто нагло под одежду проникает, а уже имеет прямо здесь рядом с гостями. Опустил глаза на свою руку, на которую я смотрю, тяжело дыша, и снова мне в глаза, чуть прищурившись и медленно на губы, на шею, вниз к вырезу ярко-алого платья. Да, я сняла черное. И даже не помню, когда именно. Наверное, сразу по возвращению из клиники. Я просто забыла, что надевала его. А он запомнил, потому что тихо сказал:

– Ты разве не в трауре? – с ядовитым сарказмом, присущим лишь ему. Так чтоб взвилась от поддевки.

И взгляд не отводит, нагло, прямо в глаза. Ответ так и не получил, усмехнулся с какой-то отравленной горечью и снова на партнеров смотрит. А я на него. Открывая для себя черту за чертой. Все заново. Даже не понимая, что зависла...что не слышу голосов рядом с собой, что вспоминаю сны свои дикие и сильнее сжимаю колени, следя за кончиком его языка, быстро пробежавшимся по губам, за пальцами, достающими сигару и прокручивающими ее между большим и указательным. О Боже... а у меня в голове картинками эта сигара и что он с ней делал... с ней и с моим телом. Скулы свело и перед глазами все поплыло, словно почувствовала прикосновение горячего пепла к воспаленной коже.

Встала из-за стола и ушла к себе, чтобы успокоиться. Умылась ледяной водой, глядя на свое отражение – в собственных глазах сумасшествие и пьяная поволока. Я невольно обвела гостей взглядом, отыскивая Максима, чувствуя, что хочу посмотреть ему в лицо.

Но его нет среди них. Ушел.

Собралась тут же уйти, сославшись на недомогание, но меня подхватили под локоть, едва я вышла из зала, и я услышала голос своего мужа над самым ухом.

– Ты сейчас выйдешь со мной туда и будешь танцевать. Никто и никуда сегодня не сбежит. Не дожидаясь моего ответа, повел вглубь зала и властно привлек к себе.

Рука в руке, под маской лица,
Вдвоем над пропастью скользят,
Рискуя с каждым "па" разбиться...
Танцуя, в пламени горят.
В Его зрачках Её глаза...
Ведет, слегка толкая к краю,
Но лишь оступится она,
Удержит, рук не разжимая...

Я успела забыть, насколько мой муж умеет создавать иллюзию, что я единственная женщина в радиусе километров. Забыла или даже не знала. Потому что сейчас он просто заставил смотреть себе в глаза. Именно заставил. Я не сразу это осознала, а лишь тогда, когда попыталась отвести взгляд и не вышло.

Проникает в меня сильными волнами, впиваясь в сознание и удерживая его, как в тисках, в ту же секунду сжимая сильнее ладонями за талию и руку. Движения резкие, хаотичные. Ведет, не дает даже по сторонам смотреть, выгибая назад и к себе, так, что мои волосы его по лицу хлещут. Стирает эту толпу вокруг нас, заглушает их голоса своим тяжелым дыханием и нашим сердцебиением, набирая в танце скорость запредельную. И...я понимаю, что инстинктивно иду за ним. Он не может помнить, что уже не раз танцевал со мной, что сам учил каждому па...но наши тела помнят, и мое слушается его рук, потому что только их слушаться и умеет. Злой танец. Голая страсть. Убийственные прикосновения рук и обжигающий взгляд. Синее-синее безумие с моим отражением на дне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.